

307), В. Д. Кузьминой (т. IX, стр. 339—360), И. М. Кудрявцевым (т. IX, стр. 380—386), Л. Н. Пушкаревым (т. IX, стр. 361—370). Продолжается публикация и археографических отчетов В. И. Малышева (т. VIII, стр. 362—378), плодотворно обследовавшего хранилища северных городов (Архангельска, Мезени, Шенкурска, Вельска, Вологды); публикуются полезные сведения о богатствах местных хранилищ Владимирской области — Н. П. Рождественского (т. VIII, стр. 392—402), Муромы — И. П. Богатова (т. IX, стр. 460—466), Харькова — Н. П. Жинкина (т. IX, стр. 467—475). Как видим, тематика «Трудов» широка и разнообразна.

В заключение считаем нужным остановиться на некоторых общих проблемах, все еще не получивших должного освещения в «Трудах». Мы имеем в виду вопросы историографии, связанные с изучением теории литературоведения, закономерностей истории литературы и ее периодизации. Приходилось уже отмечать, что «Труды» не ставят на обсуждение коренных проблем истории литературы под углом зрения открытого пересмотра всех ошибок, допущенных в вышедших томах «Истории русской литературы», а также в учебных курсах. Фактически на страницах «Трудов» рождается новый курс истории русской литературы, во многом отличный от существующих, но об этих отличиях авторы ряда статей и редакторы «Трудов» почему-то открыто не говорят. Правда, полемика ведется, но прикровенно.

Для примера возьмем предисловие редакции к т. VIII. Здесь перечислены некоторые недостатки исследований по истории литературы: «пережитки вульгарного социологизма, объективистской оценки литературных явлений, теории «единого потока»... начетничество, скрывающее явно не марксистское понимание коренных философских проблем и т. п.» (стр. 3). О ком это говорится, с кем полемизирует редакция «Трудов»? Неизвестно. Лучше было бы поместить критический (или самокритический) разбор работ, содержащих эти недостатки, заодно подав хороший пример глубокого критического анализа историографии той или иной проблемы.

Коммунистическая партия призывает советских ученых быть ясными деятелями, умеющими и отстаивать свои взгляды, и критически оценивать их. Между тем в «Трудах» еще встречается иное. Авторы предисловия пишут, что нужно «преодолеть серьезные ошибки в переводческой работе» (стр. 7), но какие это ошибки и кому именно их нужно преодолеть, — они не сообщают; авторы говорят, что «переоценка значения «областнических тенденций» до сих пор наблюдается и в отдельных исследованиях, и в сводных работах по истории древнерусской литературы» (стр. 5), — но в чьих именно трудах она проявляется и в какой мере, редакция не сообщает.

Характерно, что носители этих ошибочных тенденций не упоминаются и в самих статьях, посвященных пересмотру «областнических тенденций» (например, в статьях Н. Н. Масленниковой и Н. Н. Розова). Заметим кстати, что, справедливо возражая против замены изучения русской литературы в целом анализом литератур «псковской», «новгородской» и др., не следует обращаться к другой крайности, вовсе отрицающей феодальную Русь наличие экономической, политической и культурной обособленности, скажем, Новгородско-Псковской или Полоцко-Минской земель. Эта обособленность до поры находила поддержку не только в среде феодалов.

Не ставятся в «Трудах» и вопросы периодизации истории литературы, общественно-политической мысли. Историки не раз касались общих проблем периодизации истории СССР, наметили основные грани раннего, развитого и позднего феодализма; ставили историками и вопрос о периодизации истории общественно-политической мысли¹⁰, касались этого вопроса и философы¹¹ — все это не получило, однако, никакого отклика в «Трудах». Между тем и историкам и философам было бы важно знать мнение историков литературы по проблеме периодизации. В «Трудах» видно недостаточное внимание к этой проблеме: В. П. Адрианова-Перетц датирует раннее средневековье временем до XIV в. (т. VIII, стр. 136), Ю. Н. Дмитриев говорит о древнерусском искусстве XVII в.! Само название отдела и его органа — «Труды отдела древнерусской литературы» — давно устарело, ибо они изучают не только историю литературы древней Руси, а русскую литературу эпохи феодализма.

Постановка вопроса о периодизации имеет значение, выходящее, разумеется, далеко за рамки этих практических потребностей. Изучение периодизации неразрывно связано со все более глубоким познанием закономерностей развития периодизируемого явления. При анализе надстроечных явлений, в том числе и литературы, особенно желательно, вскрывая их связь с базисом, исследовать более широкие периоды, ибо чем дальше удаляется от экономической исследуемая область, тем больше она приближается к чисто абстрактно-идеологической, тем больше будем мы находить в ее развитии случайностей, тем более зигзагообразной является ее кривая. Если начертить среднюю ось кривой, то выяснится, что «чем длиннее изучаемый период, чем шире изучаемая область, чем более приближается эта ось к оси экономического развития, тем более параллельно ей она идет...»¹². Притом следует учитывать сложность надстройки феодализма, на примере которого Ф. Энгельс иллюстрировал тот факт, что «единство понятия и явления выступает как процесс по существу бесконечный»¹³.

¹⁰ См. «Вопросы истории», № 5, 1952, стр. 140—143.

¹¹ См. «Вопросы философии», № 4, 1952, стр. 93—100.

¹² К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные письма, стр. 471.

¹³ Там же, стр. 484.